

Алкабекский тип памятников: проблема выделения культуры¹

И. В. Мерц²

Аннотация. Работа посвящена проблеме выделения памятников алкабекского типа раннего бронзового века в Верхнем Прииртышье. Рассмотрены основные признаки этого культурного явления, вопросы происхождения и хронология.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, ранний бронзовый век, алкабекский тип памятников, поселения, могильники, миграции.

<https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.95-98>

Ранний бронзовый век Восточного Казахстана, несмотря на многолетние исследования, до сих пор остается во многом слабоизученным периодом. Ограниченность имеющихся археологических источников не позволяет в полной мере выделить в регионе самостоятельные культуры, поскольку они представлены или отдельными типами металлических изделий (сейминско-турбинские) и керамики (одинокрохалевская, чемарская и т. д.), или отдельными категориями памятников. Особо выделяются алкабекские комплексы, впервые исследованные в Верхнем Прииртышье еще в 1952 г. С. С. Черниковым на могильнике Канай. Могила № 9 этого некрополя была определена как раннеандоновская и отнесена к усть-буконьскому этапу (Черников, 1960. С. 94–95). В 1998–2000 гг. целую группу подобных памятников (Айна-Булак I, VI; Коба; Булгартабы; Ахтума) исследовал в долине р. Алкабек А. А. Ковалёв, сопоставивший их с чемурчекскими комплексами раннего бронзового века, отметив при этом их своеобразие (Ковалев, 2012). Исследования в регионе позволили обнаружить подобные объекты как на Правобережье Иртыша (могильник Аян), так и на северных склонах Тарбагатайских гор (Култайлак 2; Сапа; Аханбозша; Баир; Куйган 1, 2; Шиликты 3) (Мерц, 2017; Омаров и др.,

2019). В музейных коллекциях Эрмитажа и Зайсанского музея была выявлена керамика, идентичная найденной в алкабекских погребениях — на дюнах у с. Мечеть, в песках Акжон и на могильнике Сапа. Своеобразие этих материалов позволило выделить их в *алкабекскую группу памятников* (Мерц, 2017. С. 21–22).

Могильники алкабекской группы состоят из 1–6 сооружений, расположенных вдоль русел различных водотоков. Погребальные конструкции представлены квадратными курганами-платформами и оградами. Для них характерна ориентация по линии СВВ–ЮЗЗ (с севера на юг все они более вытянутые), сдвинутая от центра к востоку грунтовая могильная яма и наличие к востоку от могилы коридора-дромоса. Погребения одиночные или коллективные, взрослые и подростки с одним-двумя детьми ориентированы головой на восток, рядом с ними помещали погребальную пищу (рис. 1, 1, 2, 7–9). Погребальный инвентарь хотя и присутствует, но крайне немногочислен. Иногда в могилу устанавливались повозки, а на погребальной площадке — круглые выкладки и стелы (рис. 1, 1, 2, 8). На северных склонах Тарбагатая в некрополе Сапа ограда имела прямоугольную форму, могильная яма и трапециевидный коридор-дромос были сдвинуты

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта № AP08855976 «Эпоха раннего металла Северо-Восточных районов Центрального Казахстана».

² Илья Викторович Мерц — Институт археологии им. А. Х. Маргулана, пр. Достык, д. 44, Алматы, 050010, Республика Казахстан; e-mail: barnaulkz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9066-9629.

к югу. Эти особенности обряда указывают на региональные и, возможно, хронологические различия.

Посуда встречается редко, представлена баночными формами, украшена рядами косых оттисков гребенки. Зона венчика выделяется прямыми, подтреугольными в сечении валиками и очень редко прочерченными линиями или пальце-ногтевыми защипами. При декорировании нажим осуществлялся только на один край инструмента с 4–12 зубцами (рис. 1, 23–25). Аналогии этой керамике наблюдаются в Среднем Прииртышье и Западной Кулунде среди керамики кротовского могильника Окунева VII, елунинских поселений Шауке 1 и Гульбище, керамики одино-кroxалевского и чемарского типа, а также среди окуневской уйбатско-лебяжинской группы Среднего Енисея (Леонтьев, 2006. С. 264; Петров, 2014. С. 121; Мерц, 2017. С. 14, 20, 22). Все эти параллели свидетельствуют, что памятники находятся на стыке эпох, — это подтверждается также совместным залеганием алкабекской и елунинской керамики в кургане 1 Айна-Булака I (Ковалев и др., 2014. С. 14, рис. 21).

Металлокомплекс представлен черешковыми наконечниками стрел, обоймой, пронизками и антропоморфным навершием (рис. 1, 10, 11, 15–17), для изготовления которых использовался сплав Cu+Sn. Исключение — состав металла навершия из местечка Кежеколь в районе г. Зайсан: сплав Cu-As-Sb-Bi (Тишкин и др., 2020. С. 184).

Каменные орудия представлены мотыгообразным орудием, льячкой с ручкой, культовыми пестами и навершиями с антропоморфными изображениями (рис. 1, 18–22).

Остеологические материалы из могильников Канай, Айна-Булак I и VI, Копа, Булгартаботы, Ахтума, Сапа свидетельствуют, что в стаде присутствовали лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. Следовательно, нет основания считать, что характер скотоводства здесь существенно отличался от Среднего Прииртышья и Сарыарки (Мерц, 2017. С. 11, 21). При этом открытым остается вопрос топографии поселений.

Из домашних промыслов «алкабекского» населения мы располагаем информацией только о гончарстве, столярном мастерстве и камнеобработке. Гон-

чарство обеспечивало население бытовой и погребальной посудой баночных форм. Из камня изготавливались орудия труда и предметы культа, представленные антропоморфными навершиями и пестами. Особенности устройства могильных ям в некрополе Копа указывают на помещение туда деревянных повозок, что предполагает высокий уровень развития деревообработки. По-видимому, «копинские» экипажи конструктивно были наиболее близки к повозкам катакомбных культур (рис. 1, 3–6).

Происхождение алкабекских памятников А. А. Ковалев связывал с миграциями из Франции носителей культуры коридорных гробниц, сыгравших основную роль в генезисе чемурчекских памятников Центральной Азии (Ковалев, 2012). Отсутствие в алкабекских курганах каменных ящиков, антропоморфных статуй и совершенно иной тип керамики не позволяет отнести казахстанские объекты к чемурчекской культуре. Результаты ДНК-анализов человеческих останков из кургана 3 Айна-Булака I показали, что митотип погребенного мужчины относится к евразийской гаплогруппе Н. Женщина относится к евразийской гаплогруппе T1a, происходящей из Восточной Европы (Ковалев и др., 2014. С. 39). Анализ мужского скелета из могилы № 9 Каная выявил у покойника значительную восточноазиатскую примесь, общую генетическую основу с населением окуневской культуры Минусинской котловины и отсутствие местных корней. Погребенный из Каная и «окуневцы» являются результатом смешения восточноевропейских степных скотоводов с населением лесостепной полосы Сибири и неких популяций из Восточной Азии. У популяций, проживавших вдоль центральноазиатского горного коридора, генетический состав был разный, со значительной примесью западносибирских гаплогрупп (Narasimhan et al., 2018. P. 155, 162).

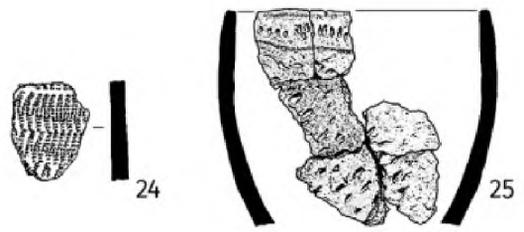
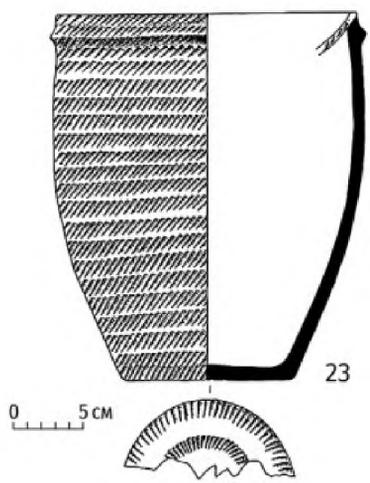
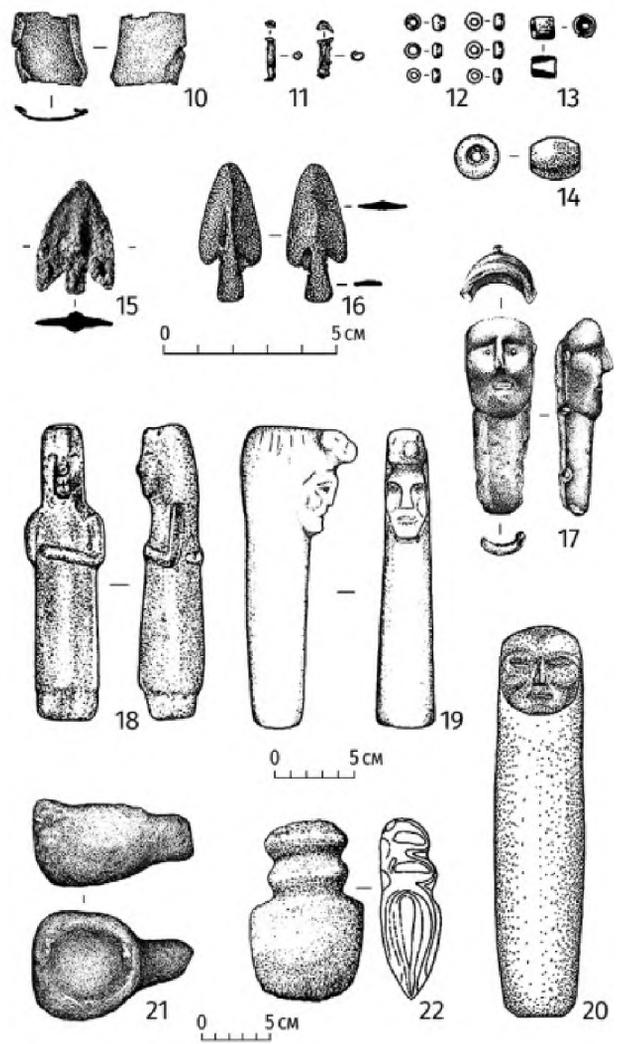
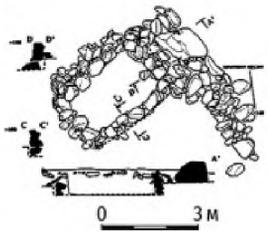
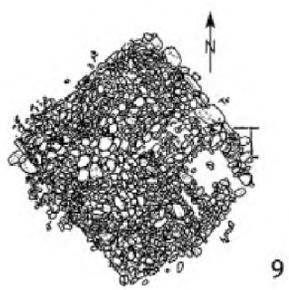
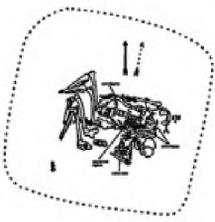
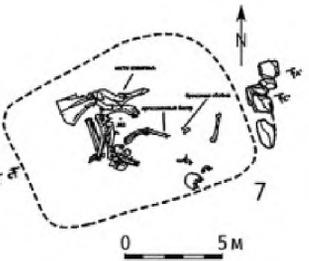
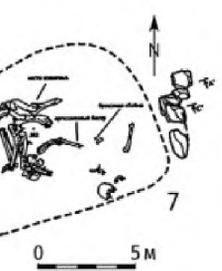
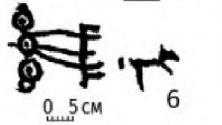
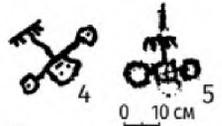
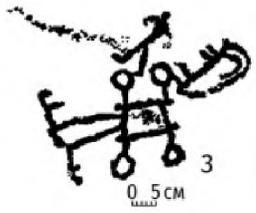
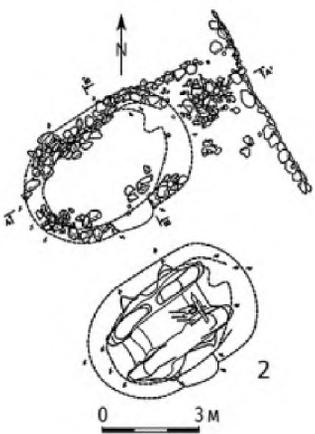
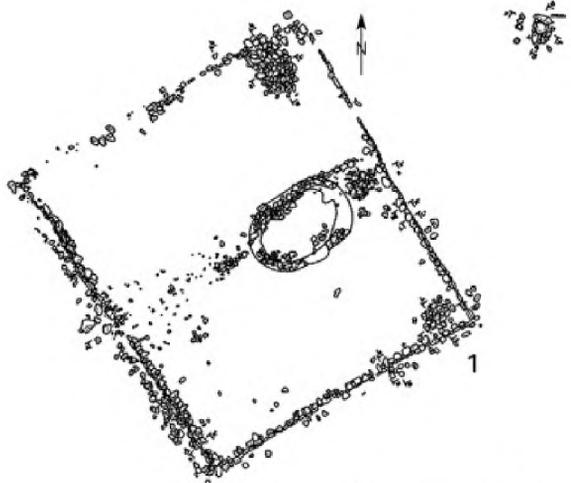
На неоднородный характер «алкабекского» населения указывают данные антропологии — зафиксирована монголоидная примесь у погребенной в кургане 1 Айна-Булак I (Тур, 2014. С. 152). Кроме этого, имеется серия антропоморфных каменных жезлов, пестов и наверший из региона, изображающих как

Рис. 1. Алкабекская группа памятников, планы погребений, наскальные изображения, материалы: 1, 2, 11, 13 — Копа курган 2; 3–6 — наскальные изображения повозок из Восточного Казахстана (Курчум, Акбаур, Доланолы, Мойнак); 8, 14, 15, 25 — Канай, могила 9; 7, 10, 12, 23 — Булгартаботы, курган 2; 9, 22 — Айна-Булак I, курган 2; 16 — Курчум; 17 — Кежеколь; 18 — Зайсан; 19, 20 — Семипалатинск; 21 — МАЭ № 1529/3; 24 — Айна-Булак I, курган 1 (ссылки на источники — см. текст).

10, 11, 15–17 — металл; 12–14, 18–22 — камень; 23–25 — керамика

Fig. 1. Alkabek group of sites, burial plans, rock carvings, materials: 1, 2, 11, 13 — Kopa kurgan 2; 3–6 — rock carvings of wagons from East Kazakhstan (Kurchum, Akbaur, Dolanoli, Moinak); 8, 14, 15, 25 — Kanai, grave 9; 7, 10, 12, 23 — Bulgartaboty, burial mound 2; 9, 22 — Aina-Bulak I, burial mound 2; 16 — Kurchum; 17 — Kenzhekol; 18 — Zaisan; 19, 20 — Semipalatinsk; 21 — MAE No. 1529/3; 24 — Aina-Bulak I, burial mound 1 (source references are given in the text).

10, 11, 15–17 — metal; 12–14, 18–22 — stone; 23–25 — ceramics

европеоидов (Кенжеколь, Зайсан), так и монголоидов (Семипалатинск) (рис. 1, 17–20). Схожесть алкабекских антропоморфных изображений с чемурчекскими из Западной Монголии и Синьцзяна, присутствие характерных для Средней Азии изобразительных сюжетов, а также сходство с материалами окуневской культуры демонстрирует наличие связей верхнеиртышского населения с этими регионами.

Все эти параллели указывают на два пришлых компонента, лежащих в основе сложения данных культурных образований. По-видимому, алкабекские комплексы прекращают свое существование после проникновения в регион в XVIII в. до н. э. населения андроновской культуры. В их развитии выделяется два этапа: ранний — могильники Коба, Канай, Ахтума и Сапа, датируемые первой половиной III тыс. до н. э., и поздний — могильники Айна-Булак I и VI, Булгартабаты (Мерц, 2017. С. 22).

Таким образом, в настоящее время собран и систематизирован комплекс источников, указывающих на существование в Зайсанской озерной котловине своеобразного типа памятников, которые отражают специфику населения, проживающего здесь в раннем бронзовом веке. Неопределенной на данный момент является западная и восточная граница их распространения. Поиски поселений около известных некрополей пока не увенчались успехом; сложным вопросом остается и выделение алкабекских памятников наскально-го искусства. Наличие этих нерешенных вопросов пока не позволяет выделить *алкабекскую группу памятников* в самостоятельную археологическую культуру.

Ковалев, 2012 — Ковалев А. А. Чемурчекский культурный феномен: история изучения, датировка, происхождение // Чемурчекский культурный феномен. Исследования последних лет. СПб.: Изд-во Музея-института семьи Рерихов, 2012. С. 32–55.

Ковалев и др., 2014 — Ковалев А. А., Самашев З. С., Сунгатой С. Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане // Древнейшие европейцы в сердце

Азии: чемурчекский культурный феномен / Отв. ред. А. А. Ковалев. СПб.: ЛЕМА, 2014. Ч. I. С. 9–147.

Леонтьев, 2006 — Леонтьев С. Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Редкол.: Д. Г. Савинов и др. СПб.: ЭлектронПринт, 2006. С. 260–272.

Мерц, 2017 — Мерц И. В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Барнаул, 2017. 26 с.

Омаров и др., 2018 — Омаров Г. К., Бесетаев Б. Б., Мерц И. В., Сагындыкова С. Т. Краткое сообщение о результатах археологической разведки на территории Курчумского района в 2018 году // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия: История. 2018. № 4 (91). С. 201–213.

Петров, 2014 — Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск: Изд-во ОмГУ, 2014. 348 с.

Тишкин и др., 2020 — Тишкин А. А., Омаров Г. К., Жунисов Ф. Т. Рентгенофлуоресцентный анализ древних изделий из археологического собрания Зайсанского историко-краеведческого музея (Восточный Казахстан) // Маргулановские чтения–2020. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 180–186.

Тур, 2014 — Тур С. С. Антропологические определения костных остатков из раскопок курганов раннего периода бронзового века на территории Курчумского района ВКО РК (1999–2000 гг.) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен / Отв. ред. А. А. Ковалев. СПб.: ЛЕМА, 2014. Ч. I. С. 152–153.

Черников, 1960 — Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА; № 88).

Narasimhan et al., 2018 — Narasimhan V., Patterson N., Moorjani P. et al. The Genomic Formation of South and Central Asia (preprint) // bioRxiv. The preprint server for biology. 2018. 292581 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/292581v1> (дата обращения: 28. 06. 2022).